

Мария Громова

ГОЛОСА ЯПОНСКИХ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье рассматривается история публикаций в советской детской периодической печати («Пионерская правда», «Пионер», «Костер» и пр.) рисунков, писем и художественных текстов, созданных японскими детьми. Упоминаются статьи японских специалистов по художественному воспитанию детей, опубликованные в журнале «Детская литература». Выявляется основной массив публикаций; процитированы письма, рассказы и стихи, описаны рисунки и гравюры. Материалы освещаются в хронологической последовательности. Они рассматриваются в контексте советско-японских отношений, а круг тем сопоставляется с образом Японии, актуальным в СССР в соответствующий период. Материал позволяет проследить, как на формирование образа Японии в советской периодике для детей влиял идеологический фактор. В письмах, опубликованных в эпоху оттепели, присутствуют элементы образа Японии, характерные для официального советского дискурса эпохи холодной войны: социальные проблемы после Второй мировой войны, ремилитаризация, военная агрессия США, трагедия Хиросимы и Нагасаки, антиядерная борьба и антиамериканские настроения, национальная самобытность японского народа. В 1970-е гг. эти темы исчезают из писем японских детей, сменяясь доброжелательным интересом к СССР, почти лишенным идеологической составляющей.

Ключевые слова: японское детское творчество, советские детские журналы, детское творчество, образ Японии в СССР, советско-японские отношения

Предмет нашего исследования составляют опубликованные в советской детской периодике рисунки, письма, рассказы и стихотворения японских детей, а также некоторые статьи японских

Мария Михайловна Громова
МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва
marija.gromova@list.ru

и советских специалистов по художественному воспитанию детей в Японии. До сих пор образ Японии в советской периодической печати был исследован только на материале периодики, адресованной взрослой аудитории [Галимова 2015 и др.]. «Японские» материалы советской детской периодики стали предметом научного осмысления сравнительно недавно ([Громова 2021] и др.). Художественные произведения японских детей, опубликованные в советских детских журналах и газетах, рассматриваются впервые.

За счет широкой доступности советской периодики по сравнению с книгой именно эти публикации для многих уроженцев СССР стали первой встречей с Японией, основой личного отношения к этой стране и ее народу. Мы предполагаем, что образ Японии в письмах, рассказах и стихах японских детей, отобранных для публикации в советской детской периодике (и, вероятно, отредактированных), не будет кардинально отличаться от образа Японии, актуального в советском официальном дискурсе в тот или иной период советско-японских отношений.

Японская созерцательность, умение наблюдать и создавать красоту рассматриваются в официальном советском дискурсе периода холодной войны как несомненное достоинство и противопоставляются утилитарности американской культуры [Эренбург 1965, 256, 264–265]. Советский художник и педагог Б. Неменский (р. 1922) высоко оценивает эстетическое воспитание в японских школах, его положительное влияние на всестороннее развитие личности ребенка [Неменский 1974, 125–134]. В 1970 г. он кратко сформулировал для читателей «Пионерской правды» свое понимание эстетического воспитания в Японии: «Есть такое слово „любование“, я его часто слышал в Японии. Этому учат детей. Любование луной, природой, цветом, картинами. Мне кажется, что без любования не может быть искусства» [Неменский 1970, 1].

Однако отношение советских искусствоведов и педагогов к японскому детскому творчеству и художественному воспитанию в японской школе отнюдь не всегда было восторженным. Так, в 1928 г. Н. П. Сакулина (1898–1975) проанализировала рисунки японских детей, представленные на выставке японских детских книг и детских рисунков в Москве (Подробнее о выставке см. [Виноградова, Захаров 2019]). В их рисунках она искала «специфически японское», «будущих Гокусаи и Утамаро, так необычно и прекрасно видевших мир», но была вынуждена признать, что в спонтанных рисунках детей младшего возраста эта специфика присутствует только в сюжетах, отражающих японские реалии,

и в иллюстрациях к сказке «Момотаро», где «мы встречаем формы и повороты человеческих фигур, известные нам по японским гравюрам. Объясняется это тем, что дети копировали книжные иллюстрации или рисовали под большим их влиянием» [Сакулина 1928, 17]. Школьные рисунки детей 12–15 лет разочаровали ее еще сильнее: «из ребят японская школа быстро и ловко делает рисовальщиков европейского образца» [Там же, 19]. В конце статьи Н. Сакулина пишет: «Хотелось бы, чтобы в следующий раз нам было прислано гораздо более полное собрание свободных рисунков детей разных возрастов, и можно было бы судить о том, насколько передалась японским детям своеобразная манера видеть и отображать мир старых великих мастеров Японии» [Там же, 19]. Но следующего раза пришлось ждать долго — резкое ухудшение советско-японских отношений в середине 1930-х гг. обрывает официальные культурные связи двух государств.

1930-е годы

Первый и единственный рисунок маленького японца в довоенной советской детской периодике опубликован в 1933 г. в журнале «Пионер» в письме актера детской труппы пролетарского театра [Оки 1933]. Он изображает агитационное представление бумажного театра *камисибай*, который в 1930–1950-х гг. переживал расцвет и был ярким элементом японского уличного искусства. Письмо входит в подборку «Международный костер» вместе с письмами ребят из Германии, Франции, США и Бразилии о нелегкой жизни трудящихся в капиталистических странах. Весть из далекой Японии явно позиционировалась редакцией «Пионера» как ключевой материал выпуска — всю первую страницу обложки занимает иллюстрация А. В. Фонвизина (1883–1973) к этому письму.

В этот период советская детская периодическая печать пестрела гневными и тревожными заметками о японской захватнической политике в Китае, изображала японцев жестокими и безжалостными милитаристами. Однако в соответствии с классовым подходом изредка в ней можно было встретить и сочувственные публикации о японцах, борющихся против императорского режима: так, в том же 1933 г. в «Пионере» была опубликована биография-некролог японского коммуниста, одного из создателей компартии Японии Катаяма Сэн (1859–1933), умершего «на своем посту в социалистической Москве» [Рубинштейн, Окунев 1933, 8].

Письмо «Пионеры революционного театра», подписанное «пионер В. Оки» [Оки 1933] (хотя пионерской организации в Японии официально не было), — это подробный отчет о выступлениях одного из десяти «пионерских театров», входящих в «союз рабочих театров ПРОТ». Труппа театра состоит из школьников. Агитационные спектакли проходят в деревнях для батраков и в городах — для рабочих и членов их семей. Помимо бумажного театра *камисибай*, в письме упоминаются неперенные участники каждого киносеанса *бэнси* — кинорассказчики, комментаторы немых фильмов, чье искусство оказалось невостребованным с появлением звуковых фильмов. Именно с безработицей профессиональных бэнси связывает автор письма появление *камисибай*: «Когда ввели говорящие кинокартины, рассказчики стали безработными. Тогда они сговорились с художниками. Художники рисовали картинки, а рассказчики рассказывали истории про то, что на них происходит. Такие представления очень нравятся ребятам» [Там же, 11].

Представления «пионерского театра», помимо «революционных пьес про борьбу батраков с помещиками», включают и *камисибай* с сюжетами «про борьбу рабочих с полицией», и мастер-класс по созданию *камисибай*, и интерактивную часть («ребята-зрители выходили на сцену и сами играли и рассказывали истории»), и революционные песни, и рассказ «товарища Акита, который был в Советском Союзе». Деятельность театра не ограничивается выступлениями и репетициями: «раз в неделю мы устраиваем политзанятия, разучиваем революционные песни. К нам приходят руководители пролетарских организаций, рассказывают о борьбе рабочих. Цель нашего коллектива — не только ставить спектакли, но и воспитывать себя бойцами за дело рабочего класса» [Там же, 11]. Это первое и последнее упоминание о японском рабочем театре в советской детской периодике. Созданный в 1929 г. Японский союз пролетарских театров («Нихон пурорэтэрия гэкидзё домэй», сокр. «Пуротто») вскоре подвергся жестоким репрессиям. Многие актеры были арестованы, труппы распущены [Гришелева 1977, 191–192].

Через два месяца после публикации письма, 21 октября 1933 г., Сталин дал указание начать агитационно-пропагандистскую работу против Японии: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (некрикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в „Правде“, отчасти в „Известиях“. Надо использовать также Государственное издатель-

ство и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг» [Коршенко 2018, 34]. С 1935 г. участились советско-японские пограничные конфликты. Самыми масштабными из них стали Хасанские бои (1938) и бои на Халхин-голе (1939). В советской детской печати этих лет основной враг — гротескный, коварный, жестокий, лишенный индивидуальности японец, а герой — советский пограничник, противостоящий японским лазутчикам.

Во время действия Пакта о нейтралитете между СССР и Японией (1941–1945) в советских СМИ антияпонская пропаганда отсутствовала [Коршенко 2018, 43]; ненадолго возобновилась она только в августе 1945 г., во время войны с Японией [Там же, 50–51]. В детских журналах этого периода Япония не упоминается (лишь в декабрьском номере «Пионера» за 1945 г. вышел очерк Н. Богданова «Полет в Японию», выдержанный в спокойном тоне). На этом фоне особенно заметен всплеск антияпонской пропаганды в газете «Пионерская правда», в которой в августе-октябре 1945 г. не только публиковались сводки о ходе войны с Японией и ее капитуляции, перечни военных трофеев и наград, но и реактуализировались события русско-японской войны 1904–1905 гг. и японской военной интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. («Японские поработители» А. Марьямова, «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» П. Григорьева, «Порт-Артур» А. Степанова и пр.).

1950-е годы

Первые десять лет после войны разгромленная Япония появлялась в советской детской печати в двух ипостасях. Продолжали печататься довоенные книги, где японцы изображались лживыми, жестокими, коварными милитаристами. В то же время в «Пионерской правде» сочувственно писали о миролюбивом японском народе, который страдает под гнетом США и горячо симпатизирует СССР. Однако элемент, который позже станет ядром этого образа, — бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — отсутствовал в советской печати для детей, пока не произошла еще одна ядерная трагедия.

1 марта 1954 г. США провели испытания водородной бомбы «Касл Браво» на атолле Бикини. Радиоактивные осадки повлекли гибель радиста японской рыболовецкой шхуны «Фукурю-мару» и лучевую болезнь у остальных членов экипажа [Мацуда, Хаяси 1959, 219–228]; выловленная рыба оказалась зараженной. Это вызвало и в Японии, и в СССР волну возмущения и страха. Именно после

инцидента с «Фукурю-мару» жертвы бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (*хибакуся*) стали одной из доминант образа Японии в советском дискурсе, а несколько лет спустя олицетворением всех *хибакуся* для жителей многих стран мира, включая СССР, стала Сасаки Садако, скончавшаяся в октябре 1955 г., и ее бумажные журавлики.

Письмо с характерным заголовком «Я не хочу войны» в сентябрьском номере «Пионера» за 1955 г. — одно из первых упоминаний трагедии Хиросимы и Нагасаки в советской детской периодике. Судя по опубликованному в том же выпуске ответному письму советской школьницы Гали Лазарченко, изначально письмо было напечатано в детском журнале «Die Schulpost» (ГДР), где она его и прочла.

По словам автора письма, пережившего в раннем возрасте бомбардировку Хиросимы, записать воспоминания о бомбардировке ему задали в школе (вероятно, это было приурочено к десятилетней годовщине трагедии).

С нашего огорода нам было видно, что горел не только наш квартал, но и весь город Хиросима. Огромные клубы черного дыма подымались в небо, и мы слышали оглушающие взрывы. Ветер дул с севера и всё ближе и ближе гнал к нам огонь. Я ужасно боялась и думала, что уже всё пропало. Около полудня ветер переменял направление. Теперь он дул с юга, и наш дом остался невредимым. Младший брат моей матери был тогда солдатом. В тот день он приехал к нам в отпуск. А когда вечером он не вернулся домой, мы все отправились его разыскивать, несмотря на темноту и разрушения. Мы искали его повсюду, но нигде не могли найти. Страшная картина развернулась перед нашими глазами: кругом всё горело. Станный запах наполнял воздух. Синеватые огненные шарики, вспыхивая, поднимались вверх. У меня было такое чувство, что все люди на земле, кроме нас, погибли [Нода 1955, 66].

В письме не упоминаются ни момент взрыва, ни обгоревшие тела мертвых и умирающих людей. В воспоминаниях автора они преобразились в голубые огненные шарики *хитодама* — души недавно умерших людей.

Выполнив задание учителя и рассказав о событиях 6 августа, автор не пишет о последующих тяжелейших днях, а сразу переходит к настоящему:

Прошло уже много лет, как окончилась война, а люди еще умирают от взрыва атомной бомбы, и их страдания постоянно напоминают нам об ужасах, которые мы пережили. Бомба сделала мою тетю Митсую

калекой. Она совсем не старая, но теперь она хромая и не может ходить. Всякий раз, когда я на нее смотрю, я невольно думаю о том ужасном дне — 6 августа 1945 г. [Там же, 66].

США в письме не упомянуты ни разу, комментарии редакции отсутствуют.

В 1956 г. «Пионерская правда» публикует с незначительными сокращениями большое письмо японских школьников из г. Аотани (префектура Тоттори). Там же напечатан первый после долгого перерыва детский рисунок из Японии. Это безымянный «рисунок японского школьника», изображающий старое раскидистое дерево. Семеро учеников 3 класса «Б» средней школы № 2 «Яманиси» — то есть пятнадцатилетние девятиклассники — нашли время среди подготовки к выпускным экзаменам, чтобы по поручению учителя написать обстоятельное письмо советским школьникам. Они подробно рассказывают, где находится их городок, чем славится, когда начинается учебный год и сколько лет учатся в японской школе.

Никто из авторов письма, видимо, не планирует продолжать обучение в старшей школе (необязательной и платной): «В третьем классе средней школы (выпускном классе)... школьники... готовятся к экзаменам для приема на работу. В это время нам приходится очень много заниматься. В настоящее время в Японии очень трудно устроиться на работу. В хорошие фирмы принимают только лучших по состоянию здоровья и успеваемости. Это положение вынуждает нас бешено готовиться к приемным экзаменам. В третьей части учебного года некоторые ученики уже знают, куда они поступят на работу, но желающие продолжить образование занимаются еще усиленнее, чем во второй части» [Ёкогава, Окуя, Ватанабе 1956, 2]. В письме не сказано, что в японской системе пожизненного найма сотрудник крупной фирмы в Японии может не опасаться увольнения (именно поэтому отбираются физически здоровые и способные).

Затем авторы письма переходят к реалии, менее экзотической для советского читателя, чем проблемы с трудоустройством, — к школьному самоуправлению: «У нас есть организация самих учеников, работа которой направлена на обеспечение дисциплины в школе, соблюдение правил уличного движения и украшение школы. Высшим органом ученической организации является общее собрание учащихся, которое созывается раз в две недели и обсуждает разные вопросы школьной жизни» [Там же, 2].

Перечислив популярные в классе виды спорта и упомянув пляж на берегу Японского моря, куда летом класс «всем коллективом» ходит купаться, авторы письма подробно пишут о смене времен года в Японии, о праздниках и обычаях, и описывают бедственное положение японского народа после Второй мировой войны:

Сразу после поражения Японии в войне в стране царили беспорядки: поезда ходили с разбитыми окнами, сплошь и рядом случались самоубийства из-за тяжелых условий жизни. Газеты каждый день сообщали о 5–6 случаях самоубийств целыми семьями. Было очень много случаев грабежа, кражи и других преступлений, недостойных человека. Народ жил беспокойно. Сейчас жизнь более или менее наладилась, хотя и теперь очень часто люди кончают жизнь самоубийством в одиночку или целыми семьями. В нашей стране много безработных. У людей мало денег [Там же, 2].

Критикуют авторы письма японский реваншизм и созданные в 1954 г. Силы самообороны: «В Японии говорят, что страна наша теперь — демократическая и независимая. Но на самом деле, несмотря на то, что, согласно конституции, Япония отказалась от участия в войне и от военной политики, по указке США создается армия, тратятся деньги на чуждые нам цели» [Там же, 2].

Последующие письма являются уже не коллективным творчеством, а индивидуальным. В том же 1956 г. в журнале «Пионер» опубликована подборка «Далекие голоса» — письма, фотографии, рисунки детей со всего мира — «друзей по переписке» советских школьников. В подборке напечатано небольшое письмо японского школьника под названием «Наш Новый год», подписанное «Иосихиде, Токио». Уверив «дорогого друга» в любви к СССР, унаследованной от отца, автор поздравляет безымянного адресата с Новым годом, кратко описывает свою внешность, перечисляет членов своей семьи и предметы, которые изучает в школе, а затем рассказывает о новогодних обычаях своей страны и предлагает «обмениваться» «старыми знаменитыми обычаями» [Иосихиде 1956, 25]. В отличие от авторов других писем из этой подборки, он ничего не пишет о своих интересах, привязанностях и увлечениях (кроме любви к СССР), а новогодние поздравления в октябрьском выпуске журнала выглядят несколько странно. Почему же это суховатое письмо было выбрано для публикации? Вероятно, причина в описании японских обычаев — но не только в их экзотичности. В первые годы «оттепели» они начинают трактоваться в советском дискурсе

как важная часть национальной самобытности, защищающей Японию от американизации [Эренбург 1965, 280].

В апрельском номере журнала «Пионер» за 1957 г. было напечатано короткое письмо японской школьницы Фуруяма Масако:

Сегодня учитель Дзюничи Ивакани вручил нам ваши пионерские галстуки и значки. Большое спасибо! Воспользуемся этим случаем и станем хорошими сестрами. Мой брат и старшая сестра — коммунисты. И я тоже очень хочу стать хорошей коммунисткой. Хочется, чтобы побыстрее наступил день, когда в мире будет мир, исчезнет война. Будем бороться, чтобы обе наши страны были еще более дружными [Фуруяма 1957, 48].

Японский писатель Иваками Дзюнъити (1907–1958) в 1955 г. посетил Москву и побывал с визитом в московской школе № 179. В подарок советским пионерам он привез японских деревянных кукол, а в качестве ответного подарка получил пионерскую атрибутику. О ней-то и пишет Масако. Ее письмо — лишь одно из множества, полученных учениками школы № 179. Вряд ли оно выбрано случайно. Учительница Роза Васильевна, в чей рассказ включено письмо, комментирует его так: «Это очень хорошо — переписка и дружба советских ребят с японскими. <...> ...у них в стране люди очень мало знают про жизнь в Советском Союзе и в странах народной демократии. И это очень выгодно врагам мира. Они могут врать про нас, что хотят. Вот и надо переписываться, чтобы о нас знали правду. Это укрепит мир и дружбу на земле». Не забывает Роза Васильевна сообщить читателям журнала о борьбе японцев против атомного оружия и военных баз США на Окинаве, об угнетении японцев американскими военными [Там же, 48].

В этом же номере журнала на цветной вклейке помещены сразу пять рисунков японских школьников. Это портрет («Мои подружки» Хидэко Хасэгава), два пейзажа («Мост» Сейбо Катакири и «В порту» Санити Ямагива), бытовая зарисовка («Кошке жарко» Кадзуэ Накано) и иллюстрация к симфонической сказке С. Прокофьева «Петя и волк» Минору Мурсэ. Подборка названа в журнале «выставкой рисунков японских детей», на которую читателей торжественно приглашают [Там же, 48]. В дальнейшем в советской периодике мы обнаруживаем более двадцати рисунков японских детей, изображающих сцены мирной счастливой жизни, национальные праздники и игрушки, городские пейзажи. Вплоть до 1984 г. их публикуют крупнейшие детские журналы — «Костер», «Веселые картинки», «Пионер», «Мурзилка», «Колобок»,

«Миша», молодежный журнал «Ровесник», а с 1968 г. — и журнал «Детская литература». Эти публикации не подаются как самостоятельно значимый материал — как правило, они соседствуют с рисунками детей других зарубежных стран.

В декабрьском выпуске «Пионера» за 1957 г. опубликована подборка «Рассказы японских школьников». Эти рассказы — победители конкурса на лучшее сочинение о школьной жизни, объявленного Московским радио в передаче для японских детей, и были выбраны из нескольких сотен. Два рассказа остросоциальны, третий лиричен и посвящен временам года в Японии.

Рассказ девятилетнего Ногами Фусао (Осака) «Наша школа», получивший первую премию, полон тревоги и страха перед новой войной. Школа, где учится Фусао, расположена в корпусах бывшей казармы. Рядом решили построить пороховой завод. Младшеклассники, напуганные рассказами об атомной бомбе, устроили протест. Их матери и учителя добились отмены строительства. Но вскоре школу потребовали переместить.

Когда я услышал об этом от старшего брата, то очень испугался. В нашей школе учится пятьсот детей. Где мы найдем такой большой дом, чтобы поместить сразу столько детей? Наш город находится на холме, он очень тесный, и все дома расположены или на горе или на ее склоне. Я думаю, что можно построить маленький дом, но нигде нет такого большого пустыря, где можно было бы выстроить большую школу. Что же нам делать? [Ногами 1957, 8–9].

Гнетущее впечатление от рассказа усиливается примечанием редакции:

Ногами Фусао не удалось узнать, что его рассказ получил на конкурсе первую премию. Мальчик заболел, врач сказал, что его надо немедленно положить в больницу, но в доме не было денег, и родные не смогли этого сделать. И вот недавно девятилетний Фусао умер [Там же, 9].

Приведено письмо членам жюри от старшего брата и младшей сестры Фусао:

Наш Фусао умер от радиоактивного дождя. Обратитесь, пожалуйста, ко всем странам мира с призывом прекратить страшные испытания атомных и водородных бомб, которые приносят этот дождь. Научите, пожалуйста, как устроить в нашей стране жизнь так, чтобы больше заботились о детях из бедных семей; чтобы больных можно было лечить в больницах [Там же, 9].

Далее брат Фусао пишет, что тот никак не мог скопить денег на зонтик.

Осака была одним из городов, куда в 1954 г. был доставлен улов тунца с «Фукурю-мару». Жители Осаки из-за страха заражения на некоторое время вовсе перестали покупать рыбу. Возможно, семья Фусао с тех пор страдала от радиофобии. Радиоактивные дожди, выпадавшие на территории Японии после испытаний 1954 г., вызывали у населения особенный страх, хотя они менее опасны, чем радиоактивный воздух [Мацуда, Хаяси 1959, 291], особенно если дождевую воду не пить.

Рассказ Фусао был перепечатан пять лет спустя в сборнике рассказов зарубежных писателей «Если ребята всей земли...» [Ногами 1962, 111–113]. Письма родных Фусао в этой публикации отсутствуют.

Из рассказа «Мой младший брат» пятнадцатилетней Янасава Нобуко из Токио читатели узнают, что ее семья живет бедно. Младшему брату Нобуко тринадцать лет. Он каждый день встает в четыре часа утра, чтобы разносить газеты и помогать семье деньгами. Нобуко жаль брата, который вынужден работать в любую погоду, но тот не унывает. «Теперь брат совсем привык к работе: поставит газеты на плечо и идет. Если дождь, сам промокнет до нитки, но почту разнесет точно в срок» [Янасава 1957, 9]. Рассказ сам по себе невесел, а в соседстве с письмом о «радиоактивном дожде» вызывает чувство тревоги.

Пятнадцатилетняя Кога Мотоко из Кумамото в рассказе «Двадцать месяцев» подробно описывает каждый месяц в году, связанные с ним праздники и обычаи, зерновые культуры и цветы, характерные для того или иного месяца, упоминает многочисленные детские песенки. Пишет она и о своей жизни. Из июльской главы мы узнаем, что Мотоко и ее младший брат увлечены энтомологией. А рассказывая про июнь и сезон дождей, она пишет:

Дожди льют почти весь месяц. Из-за них иногда возникают наводнения, которые смывают мосты и дома, бывают и человеческие жертвы. В июне 1953 года в нашем городе тоже было большое наводнение. Непрерывный дождь шел десять дней. Была разрушена плотина, и город погрузился в воду. За один этот день погибло около пятисот человек. Мой дом тоже был затоплен. Глубина воды достигала трех метров. В наш сад и в дом нанесло много глины. Вода унесла мебель и мои книги. Целых два месяца мы не могли жить в доме [Кога 1957, 12].

«Дожди приносят много бедствий, но не будь их в этот период года, нельзя было бы рассаживать рис», — рассудительно заключает Мотоко [Там же, 12].

1960–70-е годы

В 1960 г. Япония подписала Договор о безопасности и взаимодействии с США, и поток сочувствия к японскому народу в советской детской периодике иссяк. Публикация писем японских детей прекратилась на тринадцать лет.

Советско-японские отношения продолжали ухудшаться. В 1976 г. Япония переправила в США советского летчика Беленко, а в Афганской войне поддерживала моджахедов. Ремилитаризация Японии стала важной составляющей ее образа во «взрослой» советской печати [Галимова 2015, 314–315]. Эта тема проникла и в периодику для подростков: так, в 1980-х гг. в молодежном журнале «Ровесник» публиковались очерки Л. Млечина о националистических и милитаристских тенденциях в современном японском обществе; позже они вошли в его сборник «для старшего школьного возраста» «В тени храма Ясукуни» (1990). Но доброжелательный интерес жителей СССР к Японии и японцам оказался на редкость устойчивым, а советско-японское сотрудничество в сфере культуры и искусства продолжалось.

В 1967 г. юные советские читатели познакомились с гравюрами японских детей — в «Пионерской правде» была опубликована фотография стенда с портретами выпускников одной из начальных школ Токио, созданными самими детьми в технике ксилографии [Киодо 1967]. А через год на русском языке тиражом 50 000 экземпляров была опубликована повесть Инуи Томико (1924–2000) «Песнь о чайках», проиллюстрированная гравюрами японских школьников [Инуи 1968].

В январском номере «Костра» за 1970 г. представлена подборка писем японских школьников из «Общества дружбы японских детей с советскими пионерами». Был указан и адрес, по которому им можно писать. В коротких письмах дети рассказывали о зиме на Хоккайдо, снежном фестивале в Саппоро и перелетных журавлях, радовались возможности побывать в СССР, приглашали в гости советских детей [Дружба 1970, 58]. Комментируя публикацию, мэр Находки В. Павлов счел необходимым подчеркнуть идеологическую составляющую дружбы японских и советских ребят. Так, по его словам, юный командир «Общества дружбы» передал ему,

что «все дети Японии борются и будут бороться вместе со взрослыми за мир против войны» [Там же, 58]. В самих письмах тема борьбы за мир не затрагивается.

В 1972 г. «Пионерская правда» опубликовала репортажи А. Исаева с зимних Олимпийских игр в Саппоро. В последнем репортаже, посвященном закрытию Игр, автор дает слово восьмилетней Канаэ — дочери русиста Такэда Масанао, преподавателя Университета Хоккайдо. Канаэ сообщает корреспонденту, что смотрит соревнования по телевизору, и демонстрирует альбом с вырезками из газет и журналов и фотографиями чемпионов, среди которых корреспондент с удовольствием отмечает многочисленных советских спортсменов [Исаев 1972].

В 1977 г. «Костер» опубликовал в переводе Л. Громковской отрывки из книги японской школьницы Мацусито Юко, ходившей в детский сад, а затем в школу в Москве, в сопровождении краткой заметки, фотографий и рисунков из книги. В комментарии к публикации сообщается:

Два известных японских детских писателя, Оэ Кэндзабуро и Накано Сигэхару, решили издать эту книжку, на обложке которой поместили московские рисунки Юко. Японские школьники очень любят эту книгу. Читая ее, они учатся смотреть на своих советских сверстников глазами Юко. А вы, прочитав несколько записей и стихотворений Юко, наверное, улыбнетесь тому, что поразило в нашей стране японскую девочку [Мацусито 1977, 46].

В коротких заметках Юко пишет о кукушке, квасе, мороженом, магазине «Детский мир», о первом сентября в московской школе, специально отмечая, что «русские дети начинают учиться в сентябре» [Там же, 47].

В тематическом «японском» номере «Детской литературы» (1976, № 6) две статьи посвящены художественному воспитанию детей в Японии. Обе написаны ведущими японскими специалистами в этой области. Профессор Кодзума Минэо декларирует принципы, вполне созвучные гуманистическим идеям советской оттепельной педагогики (см. [Антоненко 2012]):

Важным условием развития творческого миропонимания у ребенка мы считаем умение сосредоточиться, способность к внутреннему созерцанию. <...> Когда детей не принуждают, когда они обращаются свободно, стихийно с красками и формами, они и мыслят более самостоятельно. <...> Важно также опираться на интересы детей, их

желания — особенно в играх. Это помогает воспитывать умение сосредоточиться, развивает творческие наклонности, стремление к самовыражению. <...> Занятиями по изобразительному искусству мы стремимся развивать в детях гуманистическое начало, чувство радости от творческого созидательного труда, заронить в их души семена вечно-го поиска. Ибо дух поиска — суть творческого труда. Мы полагаем, что занятия художественным творчеством приносят детям душевное равновесие, радость, ведут к постижению красоты мира [Кодзума 1976, 48–50].

Художник Ота Коси, главный редактор детского журнала «Ханга» («Гравюра»), председатель Всеяпонского общества школьной гравюры, пишет, что гравюра, созданию которой японских детей обучают в школе, «несет в себе и богатую воспитательную функцию, ускоряющую процесс развития мышления и образного видения ребенка» [Ота 1976, 50], и воспитывает чувство коллективизма [Там же, 51]. Он сравнивает школьную гравюру с семенами одуванчика: «пригреет солнышко, подует ветер, разнесет их повсюду, и они взойдут и дадут ростки реалистического искусства, наполненного большими человеческими чувствами» [Там же, 51]. Как мы видим, японские специалисты по художественному воспитанию отнюдь не ставят цели научить детей копировать «манеры старых великих мастеров», что представлялось необходимым советским педагогам конца 1920-х гг.

В феврале 1979 г. советские дети впервые знакомятся со стихотворениями японских детей. На гибкой пластинке-приложении к детскому звуковому журналу «Колобок» Агния Барто прочла свой авторизованный перевод стихотворения Акаи Кэидзи «Разношу газеты» [Акаи 1979]. В том же году это стихотворение вошло во второе, дополненное издание сборника Барто «Переводы с детского». Туда были включены еще два стихотворения «от имени» японских детей — беззаботные и игровые: «Наш дом» Усами Мидори и «Контрольная по истории» Монтекаса Танцуёси [Барто 1979, 150–154]. Два года спустя все три стихотворения вошли в 22-й том «Библиотеки мировой литературы для детей» [Барто 1981, 494–495]. Но для «Колобка» было выбрано именно стихотворение десятилетнего Кэидзи: «Сегодня ветер валит с ног, / Велосипед и тот продрог. / Холодный руль верчу с трудом / В перчатках словно лед, / Я прибегу с газетой в дом, / Опять спешу вперед. / Я проезжаю через парк, / Здесь холод, пустота, / Мое дыханье, белый пар, / Взлетает изо рта. / Мой старый шарф я надевал, / Он порван, как назло... / Сейчас забраться б на диван! / Вот где тепло!» [Барто 1979, 152].

Темой, настроением и даже пейзажем это стихотворение перекликается с рассказом Янасава Нобуко, сочувственно сравнившей своего младшего брата — разносчика газет с «беспризорником из парка Уэно» [Янасава 1957]. В эпоху «экономического чуда» (которое, впрочем, в советских СМИ того времени изображалось как миф, созданный буржуазной прессой [Галимова 2015, 319]) японские дети все так же вынуждены трудиться, чтобы помочь семье. «Дети из далекой страны — такие же, как мы, но жить им нелегко. Они вынуждены работать в любую погоду, чтобы помочь своей семье, потому что живут при неправильном строе», — вот что, вероятно, должен был понять маленький советский читатель.

Завершим обзор упоминанием одной из последних советских публикаций — в 1988 г. в журнале «Миша» была напечатана подборка коротких фантастических историй, присланных подписчиками из разных стран. Среди них был представлен рассказ восьмилетнего Ивамото Таро «Снег летом». Мальчик писал о своей сестренке Ёко и забавном сне, который ей приснился: будто бы она катается на санках по тополиному пуху. Сон оказался запечатлен на фотопленку [Ивамото 1988, 6].

Заключение

За исключением изображения *камисибай* ([Оки 1933]), рисунки японских детей в советской детской периодике лишены экзотики, которую ожидали найти в них советские искусствоведы 1920-х гг., а также социальной или антивоенной тематики, преобладавшей в письмах и рассказах. В 1933–1957 гг. японские детские рисунки подаются как ключевой материал номера, а затем, как правило, соседствуют с рисунками детей других зарубежных стран, не сопровождаясь комментариями редакции. Среди этих рисунков представлены и гравюры на дереве — неперенный элемент художественного образования в японской младшей школе, высоко оцененного советскими художниками и педагогами.

Тематика писем, стихов и рассказов японских детей явно соотносится с актуальным образом Японии в СССР. Первое письмо было опубликовано в 1933 г. и посвящено деятельности детской труппы японского пролетарского театра.

Авторы писем, опубликованных в эпоху «оттепели», рассказывали советским пионерам о смене времен года в своей стране, о праздниках и обычаях — а также о социальных проблемах после Второй мировой войны, о военной агрессии США, о трагедии Хи-

росимы и Нагасаки. Эти темы были характерны для советского «оттепельного» дискурса, составляя образ прекрасной, традиционной и несчастной Японии, народ которой неустанно ведет антиядерную борьбу и именно с опорой на свою национальную самобытность несомненно выстоит перед «тлетворным влиянием Запада».

Тон писем 1970–1988 гг. иной: в них нет тревоги и страха, нет упоминаний бед и социальных проблем. Не упоминаются в них антиамериканские настроения, антиядерная борьба, ремилитаризация Японии — элементы образа Японии в официальном советском дискурсе эпохи холодной войны (хотя в комментариях редакция, как правило, старается поместить письмо в нужный идеологический контекст). Светлые, радостные письма дают возможность не только заглянуть в далекую и всегда интересную Японию, но и увидеть глазами доброжелательного незнакомца себя и свой привычный мир. Ухудшение советско-японских отношений не повлияло на положительный образ Японии в советской детской периодике, а образ японца-врага был забыт столь прочно, что многие жители постсоветского пространства, родившиеся в эпоху перестройки и после нее, о нем даже не слышали.

Литература

Источники

Акаи 1979 — Акаи К. Разношу газеты / Пер. А. Барто // Звуковые страницы журнала «Колобок»: [грампластинка]. 1979. № 2.

Барто 1979 — Барто А. Переводы с детского: Стихи и прозаические отступления автора. М.: Детская литература, 1979.

Барто 1981 — Барто А. Стихи детям. М.: Детская литература, 1981. (Библиотека мировой литературы для детей. Т. 22. Кн. 4.)

Дружба 1970 — Дружба — 友情 // Костер. 1970. № 1. С. 57–58.

Ёкогава, Окуя, Ватанабе 1956 — Ёкогава Ц., Окуя С., Ватанабе А. Письмо из Японии // Пионерская правда. 1956. № 38 (3957). С. 2.

Ивамото 1988 — Ивамото Т. Снег летом // Миша. 1988. № 6. С. 6.

Инуи 1968 — Инуи Т. Песнь о чайках / Пер. с яп. А. Коломиец и И. Кожевниковой. М.: Детская литература, 1968.

Иосихиде 1956 — Иосихиде. Наш Новый год // Пионер. 1956. № 10. С. 25.

Исаев 1972 — Исаев А. Прощальные мелодии // Пионерская правда. 1972. № 13 (5596). С. 4.

- Киодо 1967* — Киодо Здесь очень много всяких лиц... // Пионерская правда. 1967. № 47 (5110). С. 2.
- Кога 1957* — Кога М. Двенадцать месяцев // Пионер. 1957. № 12. С. 10–14.
- Кодзума 1976* — Кодзума М. Ради постижения красоты мира // Детская литература. 1976. № 6. С. 47–50.
- Неменский 1970* — Неменский Б. Краски радости и мира // Пионерская правда. 1970. № 21 (5396). С. 1.
- Неменский 1974* — Неменский Б. Распахни окно. Мысли художника об эстетическом воспитании. М.: Молодая гвардия, 1974.
- Ногами 1957* — Ногами Ф. Наша школа // Пионер. 1957. № 12. С. 8–9.
- Ногами 1962* — Ногами Ф. Наша школа / Пер. с яп. М. Доля // Если ребята всей земли...: Сборник рассказов зарубежных писателей / Сост. и вступ. статья Н. Черновой, А. Федотова. М.: Детгиз, 1962. С. 111–113.
- Нода 1955* — Нода. Я не хочу войны // Пионер. 1955. № 9. С. 66.
- Оки 1933* — Оки В. Пионеры революционного театра // Пионер. 1933. № 17–18. С. 11.
- Ота 1976* — Ота К. Радость создания гравюры // Детская литература. 1976. № 6. С. 50–51.
- Рубинштейн, Окунев 1933* — Рубинштейн Л., Окунев Б. Путь Сен Катаемы // Пионер. 1933. № 24. С. 7–8.
- Сакулина 1928* — Сакулина Н. Рисунки японских детей // Выставка детской книги и детского творчества Японии. М.: ВОКС; ГАХН, 1928. С. 16–19.
- Фуруяма 1957* — Фуруяма М. Сегодня учитель... // Пионер. 1957. № 4. С. 48.
- Эренбург 1965* — Эренбург И. Японские заметки // Эренбург И. Собр. соч. в девяти томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1965. С. 252–286.
- Янасава 1957* — Янасава Н. Мой младший брат // Пионер. 1957. № 12. С. 9.

Исследования

- Антоненко 2012* — Антоненко С. Аксиологические основания отечественной педагогики периода «Оттепели» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 210–214.
- Виноградова, Захаров 2019* — Виноградова О., Захаров К. Картинки-путешественницы: Яков Мексин и выставки немецкой и японской книги в СССР // Детские чтения. 2019. № 2 (16). С. 180–205. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-2-16-180-205.
- Галимова 2015* — Галимова Я. Япония в советской реальности: образ страны на страницах советской периодической печати (1956–1985 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 314–323.

Гришелева 1977 — Гришелева Л. Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977.

Громова 2021 — Громова М. Трансформация образа Японии в журнале «Мурзилка» в XX в. // *Stephanos*. 2021. № 5 (49). С. 18–24. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-49-5-18-24.

Коршенко 2018 — Коршенко С. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ленингр. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. СПб., 2018.

Мацуда, Хаяси 1959 — Мацуда Х., Хаяси К. Ядерное оружие и человек / Перевод с яп. Г. В. Мельникова [и др.]. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

References

Antonenko 2012 — Antonenko, S. (2012). Aksiologicheskie osnovaniya otechestvennoy pedagogiki perioda “Ottepli” [The axiological bases of Soviet pedagogy in the period of “Ottepeli” (the Khrushchev Thaw)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 210–214.

Galimova 2015 — Galimova, Ya. (2015). Yaponiya v sovetskoj real’nosti: obraz strany na stranitsakh sovetskoj periodicheskoj pečati (1956–1985 gg.) [Japan in the Soviet reality: the image of the country in the Soviet periodical press (1956–1985)]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury*, 3 (49), 314–323.

Grishelva 1977 — Grishelva, L. (1977). *Teatr sovremennoj Yaponii* [Theater of Modern Japan]. Moscow: Iskusstvo.

Gromova 2021 — Gromova, M. (2021). Transformatsiya obraza Yaponii v zhurnale “Murzilka” v XX v. [Transformation of the image of Japan in Murzilka magazine in the 20th century]. *Stephanos*, 5 (49), 18–24. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-49-5-18-24.

Korshenko 2018 — Korshenko, S. (2018). *Obraz Yaponii i yaponsev v sovetskom massovom soznanii nakanune i v period Vtoroj mirovoj vojny* [The image of Japan and the Japanese in the Soviet mass consciousness on the eve and during the Second World War] (doctoral dissertation). Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg.

Matsuda, Khayasi 1959 — Matsuda, Kh., Khayasi, K. (1959). *Yadernoe oruzhie i chelovek* [Nuclear weapons and man]. Moscow: Izdatel’stvo inostrannoj literatury.

Vinogradova, Zakharov 2019 — Vinogradova, O., Zakharov, K. (2019). Kartinki-puteshestvennitsy: Yakov Meksin i vystavki nemetskoj i yaponskoj knigi v SSSR [Pictures-travelers: Yakov Meksin’s exhibitions of German and Japanese children’s books in the USSR]. *Detskie chtenia*, 2 (17), 180–205. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-2-16-180-205.

Mariya Gromova

Lomonosov Moscow State University; ORCID:0000-0001-6081-7520

VOICES OF JAPANESE CHILDREN IN SOVIET CHILDREN'S
PERIODICALS

The article reviews the history of publications in the Soviet children's periodicals (*Pionerskaya Pravda* ("Pioneer Truth"), *Pioneer* ("Pioneer"), *Koster* ("Bonfire"), etc.) of drawings, letters and artistic texts created by Japanese children. Mention is made of articles by Japanese specialists in children's art education published in the journal *Detskaya literatura* ("Children's Literature"). The main body of publications is identified; letters, stories and poems are cited, drawings and engravings are described. The materials are covered in chronological order and considered in the context of Soviet-Japanese relations. Their themes are compared with the image of Japan that was relevant in the USSR in the corresponding period. The material makes it possible to trace how the ideological factor influenced the formation of the image of Japan in Soviet periodicals for children. During Thaw, the letters contain elements of the image of Japan that are inherent in the official Soviet Cold War discourse: social problems after World War II, remilitarization, US military aggression, the tragedy of Hiroshima and Nagasaki, anti-nuclear and anti-American struggle, Japanese national identity. Since 1970s, these topics have disappeared from the letters of Japanese children, replaced by a benevolent interest in the USSR, almost devoid of an ideological component.

Keywords: Japanese children's art, Soviet children's magazines, children's art, the image of Japan in the USSR, Soviet-Japanese relations